

/sub

маша
КОНСТАНТИДИ

лысая

УДК 82-3
ББК 84
К35

Константиниди, Маша.
К35 Лысая [роман] / Маша Константиниди. — М.:
Individuum, Эксмо, 2025 — 192 с.

ISBN 978-5-04-223392-0

Дебютный роман Маши Константиниди хихикает и плачет, разгрызает греческую трагикомедию и документирует тяжелую внутреннюю борьбу. Это молодой автофикшн, где встречаются черная жижа и хор париков, студенческие бары и темные мысли, а честный рассказ о жизни с алопецией и хроника Москвы поздних 2010-х — ранних 2020-х превращаются в универсальную историю о том, как сложно жить с несовершенным телом (а совершенных тел не бывает) и быть понятыми другими людьми.

УДК 82-3
ББК 84

© Маша Константиниди, 2025
© ООО «Издательство «Эксмо», 2025
ISBN 978-5-04-223392-0 Individuum®

ОГЛАВЛЕНИЕ

кудряшки	9
первый очаг	18
коллекция	36
χορός (греческая трагикомедия)	52
сбрить волосы — это немного контроля	57
недоступная роскошь	62
пьеса «сексуальный дебют»	78
туда и обратно	90
«ты так хорошо справляешься»	100
каминг-аут (с комментариями парика)	III
собака мордой куда угодно	123
фотосессия	128
четыре раза, когда мне пришлось объясняться с парикмахером, и один раз, когда мне было всё равно	135
татьяна валерьевна и все-все-все	143
пятнышко	152
сатсанг	161
про слово «лысая»	168
послесловие авторки	189

*дедушке Вите, люблю тебя и скучаю.
твоя Маруся*

КУДРЯШКИ

папа говорил — *не верь, не бойся, не проси*. в детстве я видела сериал по «мастеру и маргарите» и решила, что папа чуть усилил воланда. когда я работала судкорром в «новой газете», вдруг оказалось, что это воровская максима.

папа говорил — *нужно всего добиваться самой*. и дарил мне любую куклу, которую я захочу.

папа говорил — *русские не сдаются*. и я дралась с ним всеми силами, а он держал меня одной рукой и щекотал животик.

папа не говорил — ты сибирская принцесса. папа не говорил — я люблю тебя, доченька. но я и так это знала.

папа говорил — *ну невеста*. папа говорил — *а чего только одно платье взяли?* папа говорил — *точно теплый костюм?* я кивнула, в шапке-ушанке, комбинезоне, пуховике и варежках в гостиную было очень жарко. ногам повезло больше: на них были простые розовые тапочки с котенком, потому что новые ботинки на эту зиму решили не покупать.

на следующий день мы оказались на горнолыжной базе. папа засел в баре наверху — не знаю, был ли там алкоголь, но называлось это почему-то «бар». мы с мамой катались: она сама по себе, я — с инструктором, очень высоким дяденькой с прямым носом. с другой стороны, когда тебе четыре, все дяденьки очень высокие.

больше всего мне понравилось подниматься на бугеле.

через час или полтора тренировок дяденька сказал, что я могу скатиться сама. я съехала и встала в очередь на подъемник. я была собой очень довольна. солнце шпарило всю — я смотрела вверх, запрокинув голову, и жмурилась так, что глаза уменьшились до щелочек.

я умело прицепилась бугелем — «прафисианалка». передо мной поднимались папа с дочкой моего возраста. у нее была розовая курточка и длинная косичка, выглядывавшая из-под шапки, но я ей не завидовала. мой красный пуховичок мне очень нравился — у него на молнии был улыбающийся снеговик. а кудряшки удобно спрятались в шапке-ушанке, коротенькие и пушистые. девочка капризничала.

— ну посмотри, мальчик вот едет один и совсем не боится, — он оглянулся на меня и подмигнул. сначала я даже не поняла, что он имеет в виду меня.

за микросекунду я посмотрела на себя его глазами — и вдруг оказалось, что я вовсе не девочка. во мне нет ничего девчачьего — я лупашу пацанов в садике жезлом сейлор мун, когда они обижают других девочек. я всегда выбегаю вперед в уличных играх. я громкая и смелая. я вдруг поняла, что девочки себя так не ведут.

— я не мальчик, я девочка, — сказала я. дяденька смущенно извинился, а я так и осталась одна со своим переживанием. я поднялась на гору, отстегнулась, сняла лыжи, воткнула их в снег и во вдруг потяжелевших ботинках побежала в сторону бара, где сидел папа. мне принесли чай с лимоном и сахаром, и, поскольку это была уже не первая поездка, я знала, сколько нужно добавить сахара в кубиках, как выдавливать лимон, чтобы получился тот самый идеально вкусный чай. мне нравилось макать кубики рафинированного сахара в него по чуть-чуть, будто сахар пробует водичку. нравилось смотреть, как из кипенно-белого сахар становится бежевым, а потом размягчается, крошится и падает в кружку. пакетик чая «принцесса нури» размочил ажурную бумажную салфетку, от кружки остался неакkuratный круг на столе. я смотрела на свое отражение в чашке — не очень красивая. я сняла куртку, потому что под ней была розовая кофта с барби. нужно было, чтобы все видели, что я девочка.

— почему он сказал, что я мальчик?

— он просто не очень умный, марусик. а шапка у тебя очень красивая. — мама пригладила мои взмокшие кудряшки, убрала их со лба назад. я отодвинула от себя шапку, надевать ее не хотелось. — пойдём обратно на склон, катаемся?

— я больше не хочу.

в тот год дед мороз тоже не распознал во мне девочку. в школе раннего развития, куда я ходила вместо детского сада, был новогодний утренник. мама сшила мне очень красивый костюм, тщательно воссоздающий образ мальвины — синий парик, бант, розовое платьице и такие же панталоны с белыми рюшами. меня нельзя было перепутать с мальчиком, это точно.

всей группе подарили сладкие подарки и видеокассеты с мультиками. я увлеклась мандаринкой, а настя рядом со мной радостно взвизгнула. дед мороз принес ей кассету «барби и лебединое озеро», совсем новый мультик. эту барби недавно напечатали в журнале, и в продаже в «детском мире» на урицкого ее еще не было. у нее было воздушное платье с перьями и корона с лебедем.

я полезла распаковывать свою кассету — она почему-то была очень большой. из-под обертки на меня смотрел диснеевский «горбун из нотр-дама» в двух частях. глаза наполнились слезами. даже дед мороз не считал меня

хорошенькой девочкой. в итоге на общей фотографии я заплаканная — учительнице я сказала, что мне неудобно в парике.

уже в машине я расплакалась по-настоящему.

— дед мороз не подарил мне кассету с барби, потому что я дерусь с мальчиками, — я завыла. мама обернулась с переднего сиденья и начала судорожно объяснять, что подарки покупали родители, что дед мороз подарит мне хороший подарок тридцать первого числа, а она не нашла нужную кассету, и, конечно, мы поедем прямо сейчас и поищем еще. мы проехали три магазина, папа за рулем не жаловался, хотя я знала, что он забирал меня после офиса, но на третьей остановке устала я. мама обнимала меня и вела за руку, но в моей детской голове всё уже сложилось в четкую картинку, и ее нельзя было изменить.

это всё из-за коротких волос. если бы дяденька на склоне увидел волосы из-под шапки, он бы ни за что не назвал меня мальчиком.

когда волосы начали отрастать, я тут же сняла парик, ходила с почти ежиком, который постепенно начал кудрявиться, прямо как в детстве. кажется, что, когда у тебя грудь пятого размера, трудно не выглядеть женственно. трудно не выглядеть женщиной. но меня раз за разом упрямо окликали молодым человеком в течение всего времени, когда у меня были экстракороткие волосы.

в моде оверсайз, на мне джинсы-бойфренды и свитер имени данилы багрова горчичного цвета, который мне связала мама. на голове шапка, тоже мамин труд, я не снимаю ее в помещении, потому что, сюрприз-сюрприз, зимой уши мерзнут без волос даже под крышей. между брюками и носками два сантиметра голой кожи, почему-то на втором курсе холод мне нипочем, я всю зиму хожу в осеннем пальто и кроссовках.

saucy все в белых разводах от соли, я пьяно всматриваюсь в них. подошва липнет к полу от пива. мне нравится чуть двигать ногой вверх и чувствовать это липкое натяжение.

— молодой человек, а вы меня не пропустите?

я оборачиваюсь, потому что за плечо трогают меня, а не какого-то молодого человека. девушка передо мной явно впервые на покровке, 17, и не понимает, почему на три бара и триста человек здесь две туалетные кабинки. девушка не извиняется, но говорит «ой», как будто этого достаточно. мисгендеринг, который мы не заслужили.

с этим точно нужно что-то делать, думаю я. в следующий раз, собираясь на тусовку, я смотрю на себя в зеркало, провожу рукой по коротким кудряшкам и решаю поярче подвести глаза. в зеркале отражается открытый шкаф — там очень много розовых вещей. их точно стало больше с тех пор, как я сняла блондинистый длинный парик. кудряш-

ки милые, все друзья трогают их, радуются моим успехам в лечении. но, стоя в светлой и летней московской ночи у «дежурной» рюмочной на арбате и вливая в себя третью кружку димедрольного вишневого пива за 280 рублей, я вдруг слышу:

— молодой человек, вы не подскажете, к красной ветке в какую сторону? — я оборачиваюсь, улыбка девушки угасает, она несмело хихикает. — ой, простите, девушка. не подскажете?

я показываю рукой, как пройти, и вновь разворачиваюсь к друзьям. розовый бомбер меня не спас. это все потому, что у меня короткие волосы.

когда ты растешь в домашней оранжерее, очень тяжело выходить во внешний мир. родители обустроили вокруг меня стеклянный купол, под которым я была самой красивой, умной, талантливой и любимой девочкой. у меня всё всегда получалось, я всё всегда получала. бесконечные модные показы перед папой после похода в магазин, самая розовая комната на свете. я была самой хорошей девочкой, и я знала это.

во внешнем мире вдруг оказалось, что я какая-то неправильная девочка. я видела это по скромным длинноволосым и тихим одноклассницам, по тому, как на них смотрят мальчики. я, боевая и громкая, была для них веселой подружкой в играх, но, кажется, дергать за косички меня никто не собирался. меня скорее пытались ударить кула-